

Е. В. Копырина

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. БУЙДЫ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРЕТЕКСТОВ И ИХ ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ
В РАССКАЗЕ «КРАСНАЯ СТОЛОВАЯ»**

На материале рассказа Ю. Буйды «Красная столовая» устанавливаются множественные связи с претекстами и фиксируются пересечения интертекстуальных параллелей с помощью языковых маркеров. В результате анализа выявляются скрытые семантические пласты, заложенные в рассказе Ю. Буйды.

This article focuses on Yuri Buida's "The Red Dining Room" short story and its multiple connections with pre-texts. It determines intertextual parallels and their crossing points by means of linguistic markers. The analysis conducted allows revealing hidden layers of meaning in the short story by Yuri Buida.

Ключевые слова: Буйда, интертекст, интертекстуальность.

Keywords: Buida, intertext, intertextuality.

Одной из главных особенностей творчества Ю. Буйды является обращение к приему интертекстуальности как форме постмодернистской игры и способу построения художественного текста. И. П. Смирнов определяет интертекстуальность как «слагаемое широкого родового понятия, так сказать, ИНТЕР<...>АЛЬНОСТИ_г имеющего в виду, что смысл художественного произведения формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе» (выделено автором. — Е. К.) [7, с. 11]. Другими словами, в поэтике интертекстуальности априори заложено взаимодействие текстов-источников, или претекстов, которые образуют ткань любого текста за счет создания культурных ассоциаций.

Интертекстуальные отношения могут носить как эксплицитный, так и имплицитный характер. В первом случае интертекстуальные связи открыто проявляются в именах героев, в сюжете, мотивах, системе персонажей. Во втором случае «сам читатель должен обнаружить и выделить интертекст» [5, с. 84]. Имплицитный вид интертекстуальности выявляется с помощью языковых маркеров, указывающих на взаимодействие претекстов.

В данной статье мы обратимся к анализу рассказа Ю. Буйды «Красная столовая». Целью нашего исследования является установление множественных связей с претекстами путем анализа языковых маркеров, а также выявление скрытых семантических пластов, заложенных в рассказе Ю. Буйды.

В рассказе Ю. Буйды «Красная столовая» присутствует множество интертекстуальных параллелей: связи с повестью Н.В. Гоголя «Шинель» и с древнегреческими мифами. Непосредственная отсылка к повести Гоголя осуществляется за счет прозвища главного героя *В Шинели*. По классификации Н.А. Фатеевой данный пример межтекстовых отношений принадлежит явлению паратекстуальности [8, с. 140]. Через отсылку к повести «Шинель» устанавливается проекция героя Акакия Акакиевича Башмачкина. Главным атрибутом гоголевского персонажа является шинель. В рассказе Ю. Буйды постоянно упоминается, что герой ходит в шинели: «Огромный босой старик в рыжей *шинели* до пят» [1, с. 149], «подняв воротник *шинели*, он со стоном вытянул ноги» [Там же]. Во всех отмеченных случаях упоминается шинель, причем сказано, что она была *рыжая*, а у Акакия Акакиевича вицмундир был «*рыжеватомучного цвета*» [2, с. 139]. Семантическую наполненность номинации *В Шинели* обеспечивают заглавные буквы в имени персонажа, а также необычная предложно-падежная форма.

В тексте также присутствует прямая отсылка к имени гоголевского персонажа Акакий. В рассказе говорится, что в Красной столовой над головой буфетчицы «красовалась жалобная книга с портретом Акакия Хорава в роли Скандербега на обложке» [1, с. 149]. Имя известного грузинского актера Акакия Хорава, сыгравшего Скандербега (освободителя албанского народа от турецких захватчиков) в фильме «Великий воин Албании Скандербег», совпадает с именем главного героя повести «Шинель». Упоминание номинации гоголевского персонажа, по классификации Н.А. Фатеевой, является неатрибутированной аллюзией, но в то же время принадлежит явлению метатекстуальности, в частности языковой игре с текстом-источником [8, с. 149]. Таким образом, Ю. Буйда с помощью приема скрытой игры вводит имя гоголевского персонажа Акакий.

Указания на имя активизируют в сознании читателя фамилию гоголевского героя: Башмачкин. Скрытое присутствие этой фамилии в рассказе поддерживается с помощью лексемы «башмак». В Шинели приходит в город *босиком*, а затем надевает *башмаки*: «Старик достал из заплатавшего мешка грубые *башмаки*, надел и потопал ногами. — Как перед смертью» [1, с. 150]. Лексема «потопал» имеет два значения: 1) «стучать, бить по твердой поверхности ногами и 2) идти, направляться куда-либо» [6, т. 3, с. 333]. Второе значение данной лексемы создает дополнительную коннотацию: герой идет куда-то перед смертью, значит, чтобы ее принять, нужно пройти путь от жизни к смерти. В Шинели называет дочку буфетчицы, Верочку, свою единственную привязанность, Веточкой. Имя Веточка близко к имени Вита, которое в переводе с латинского (*vita*) означает «жизнь» [3, с. 828]. Кроме того, если записать слово *vita* кириллическими буквами и прочесть его по-латински, то обнаруживается анаграмма русского слова «обут», записанная в транскрипции. Следовательно, в структуре текста, сюжете, именах персонажей заложена фамилия героя повести «Шинель» *Башмачкин*. Если жизнь (Вита / *vita*) соотносится с «обутостью», то смерть должна быть соотнесена с «разутостью». Как было отмечено выше, в Шинели прихо-

дит в город босой, а затем надевает башмаки, то есть он мертвец, пришедший в мир живых. Сугибин же, наоборот, в конце рассказа оказывается разут, то есть переходит в загробный мир. В этом смысле рассказ композиционно завершен.

После убийства Веточки участковый Леша начинает расследование и именно по отсутствию на одной ноге сандалии у пастуха Сугибина определяет его виновность в убийстве Веточки: на месте преступления была обнаружена потерянная убийцей сандалия. Эта деталь выясняется в разговоре участкового Леша с девочкой Настей: «Я его вчера вечером видала. <...> Сам бредет, а у самого одна нога обутая, а другая босая... совсем не в себе человек... — Обутая — в чем? — завопил Леша. — В сапоге, в ботинке — в чем, ядрена курица? — В сандалье, — обиженно ответила Настя» [1, с. 158].

В этой сцене прослеживается комплексный характер связей с мифом о Ясоне и Медее, а также инвертирование сюжета об убийстве детей. Данные связи в первую очередь проявляются в профессии Сугибина: *пастух*. В мифе о Ясоне говорится, что царь Пелий послал Ясона добыть из Колхиды золотое руно, то есть *овечью* шерсть. В данном случае лексемы «пастух» и «овечий» вступают в субъектно-объектные отношения. Следовательно, здесь можно проследить ассоциативную связь между лексемами «пастух» и «руно».

Отсутствие на одной ноге обуви у Сугибина и акцентирование внимания на том, что это была именно сандалия, также отсылают к мифу о Ясоне. Согласно Пиндару, Ясон, когда ему исполнилось 20 лет, вернулся в Иолк. Переправляясь через реку Анавр, он потерял сандалию с левой ноги. Когда Пелий увидел Ясона, он испугался, так как ему было предсказано, что его погубит человек, пришедший к нему в одной сандалиии. Таким образом, в обоих текстах отсутствие сандалии является знаком совершённого или возможного убийства.

В конце рассказа выясняется, что Сугибин убил двух девочек: собственную дочь Веточку и одиннадцатилетнюю дочь Васи Строкотова. В мифе сказано, что жена Ясона Медея, узнав о его новой возлюбленной, убила их малолетних сыновей. В обоих случаях умирают двое детей, только в рассказе Ю. Буйды это две девочки, а в мифе о Ясоне — два мальчика. Таким образом, наблюдается инвертирование сюжета, сближающее оба текста.

Именно с момента установления указанных параллелей в рассказе «Красная столовая» осуществляется переплетение отсылок к повести Гоголя «Шинель» и к мифу о Ясоне и Медее. Это проявляется, во-первых, в значимости обуви в рассказе: башмак отсылает к гоголевской повести, а сандалия — к древнегреческому мифу. Во-вторых, в использовании эпитета «пепельный», употребляющегося в тексте рассказа три раза, причем в необычных словосочетаниях: «жил пепельной жизнью», «пепельное лицо», «пепельная радость». Метафора «пепельная жизнь» двоятся. С одной стороны, она связано с выражением «серая жизнь», то есть обыденная, неяркая. С другой стороны, она отсылает к пеплу как к чему-то сгоревшему, то есть «пепельная жизнь» = 'выжженная', 'сгоревшая жизнь' [6, т. 3, с. 41]. Второе словосочетание употреблено в пря-

мом значении. Лексема «пепельный» имеет значение 'сероватый, похожий цветом на пепел' [Там же]. В данном контексте присутствует связь с фразеологизмом «посыпать голову пеплом», то есть 'предаться крайней скорби, печали по случаю какой-л. утраты, бедствия и т.п. Первоначально: древнееврейский обряд, символизирующий общий траур' [Там же]. В последнем словосочетании «пепельная радость» содержится оксюморон: словосочетание приобретает значение 'скорбная радость', 'радость, связанная со смертью'. Следовательно, лексема «пепельный» сообщает читателю о трагическом душевном состоянии, связанном со смертью. Подтверждением этому служит параллель с повестью Н. В. Гоголя «Шинель», в которой герой в конце погибает из-за шинели, а также с мифом о Ясоне. Когда Ясон решил вступить в новый брак с дочерью царя Креонта, возмущенная Медея прислала в дар новобрачной отравленное одеяние, и та умерла в страшных мучениях. В Древней Греции один из видов женской одежды называется «пеплос». Данная лексема по принципу паронимической аттракции сближается с лексемой «пепел», которая имеет прямое отношение к герою рассказа «Красная столовая». Следовательно, выявленные параллели свидетельствуют о том, что можно установить сходство между шинелью и древнегреческим женским одеянием: обе несут в себе смерть.

Еще один аргумент в пользу данного тезиса находим в конце романа. Сугибин после убийства Веточки сжигает ее деревянные куклы. Лексема «сжигать» имеет ассоциативную связь с лексемой «пепел». То, что куклы были именно *деревянные*, связано с именем девочки — Веточка. В этом имени заложен растительный код, то есть ветка является частью дерева. «Ветка» по-латински *ramus* [3, с. 648]. Форма родительного падежа — *rami*, которая является анаграммой общеиндоевропейского корня **mag*, означающего 'смерть'. Кроме того, кукла традиционно воспринимается как символ человека. Следовательно, сжигая куклы Веточки, Сугибин дважды убивает ее. То есть для героя Веточка — это и жизнь и смерть одновременно.

В-третьих, переплетение в рассказе Ю. Буйды отсылки к повести Гоголя и к мифу о Ясоне и Медее осуществляется благодаря мотиву книги. В рассказе Ю. Буйды жизнь неразрывно связана со словом. В современном русском языке образная составляющая концепта «жизнь» представлена одной из метафор: «жизнь есть книга». Каждый из героев рассказа пишет свою книгу жизни. В Шинели проживает свою жизнь, рассказывая о ней Фене, то есть тоже создает книгу жизни, и этой книгой для него является жалобная книга. Отождествление героя с жалобной книгой несет в себе двойную символизацию: первый раз — когда говорится, что на жалобной книге был изображен портрет Акакия Хорава, второй раз — когда упоминается, что к герою привыкли, как к жалобной книге: «К нему привыкли, как привыкли к треснувшему фаянсовому ангелу на буфете или жалобной книге над Фениной головой» [1, с. 154]. Лексема «треснувший» в данном контексте имеет две интерпретации: с одной стороны, «разбитый, разрушенный, испорченный»; с другой — лексема «треск» является анаграммой слова «крест», в очередной раз отсылающей к смерти и воскресению. В Шинели написал

свою книгу и уже мертв, а Сугибин только пишет свою книгу жизни, которая ведет его к смерти. Это подтверждается тем, что в рассказе Ю. Буйды сандалия приобретает еще одно значение, связанное с письмом. Первоначально сандалия представляла собой 'обувь, состоящую из подошвы без каблуков, прикрепленная к ноге ремешками' [6, т. 4, с. 26]. Значит, основным признаком сандалии является *переплетение*. Это свойство соотносится с самой природой текста, поскольку слово «текст» образовано от латинского *textus* – 'ткань, сплетение, соединение' [4, с. 507]. У Сугибина также был кнут, «сплетенный из тонких сыромятных *ремешков*», которым он убивал людей и животных. Кроме того, когда участковый Леша зашел в дом к Фене после убийства Веточки, он увидел на белоснежной скатерти бумажный пакет, в котором была выпачканная глиной сандалия. Данная художественная деталь является символом письма. Во-первых, за счет лексемы «бумажный», которая повторяется в этом эпизоде три раза. Во-вторых, в тексте говорится о белоснежной скатерти, цвет которой указывает на сходство со страницами книги.

В рассказе Ю. Буйды мотив книги тесно связан с мотивом молчания. Характерной чертой В Шинели является молчание: «Он по-прежнему каждый вечер проводил в Красной столовой, не вмешиваясь в разговоры и не откликаясь на приглашения к выпивке» [1, с. 150]. В конце рассказа упоминается, что «лицо у него (у героя) какое-то... сам все *распрашивает*, а лицо *молчит*...» [Там же]. В данном случае наблюдается связь с гоголевским персонажем Акакием Акакиевичем Башмачкиным, а также происходит сближение с пастухом Сугибиным, который на протяжении всего повествования не произнес ни одного слова: «Феня знала, что он тотчас залпом выпьет кружку пива, выкурит папироску и так же *молча*, ни на кого не глядя, покинет зал. <...> *Ни "здравствуйте", ни "до свиданья"*. Все Фенины попытки разговорить пастуха наталкивались на такое презрительное *молчание*» [Там же, с. 151].

Мотив молчания соотносится с мотивом смерти в рассказе, поскольку слово связано с жизнью, следовательно, отсутствие слов – со смертью. Смерть присутствует во всем рассказе Ю. Буйды, особенно ярко это проявляется в образе главного героя В Шинели. О нем говорится, что он или спал (упоминается в 3 случаях) или глаза его были закрыты (2 случая).

В результате проведенного исследования были выявлены множественные связи с претекстами, а также зафиксированы их пересечения, с помощью анализа языковых маркеров. Нами были установлены интертекстуальные связи с повестью Н. В. Гоголя «Шинель», с мифом о Ясоне и Медее и выявлены важнейшие скрытые семантические пласты. Благодаря найденным интертекстуальным параллелям в рассказе Ю. Буйды «Красная столовая» мотив письма интерпретируется как образная составляющая концепта жизнь, а также проявляется авторская картина мира, согласно которой жизнь является началом смерти, а смерть – началом жизни.

Список литературы

1. Буйда Ю. Красная столовая // Прусская невеста. М., 1998.
2. Гоголь Н. В. Шинель // Гоголь Н. В. Петербургские повести. М., 1984.
3. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1996.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Никошкина. М., 2001.
5. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999.
7. Смирнов И.П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.П. Пастернака). СПб., 1995.
8. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текста. М., 2000.

Об авторе

Е. В. Копырина – асп., РГУ имени И. Канта, EKKopyrina@yandex.ru

Author

Ye. Kopyrina – PhD student, IKSUR, EKKopyrina@yandex.ru

